

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 101.1:316

DOI: 10.17223/1998863X/49/8

А.Г. Иванов

НАРРАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА¹

Современный политический миф представлен как явление, реализующееся на двух уровнях – «архаическом» и «конъюнктурном» («инструментальном»), при доминировании последнего. Важнейшее место в политическом мифотворчестве занимают нарративы. Делается вывод, что нарратив способен выступить в качестве средства обретения политическим мифом внутренней органики, сглаживая конфликты между уровнями мифа.

Ключевые слова: политический миф, «архаический» и «конъюнктурный» («инструментальный») уровни современного мифа, нарратив, конфликт между уровнями мифа.

Разговор о современном мифе практически невозможен без обращения к политическому пространству, в котором местами сохраняется присущее архаическим обществам понимание основных социальных процессов.

Современный социальный миф – это сложный феномен, рассматривая который следует выделить два уровня: «архаический» и «конъюнктурный» («инструментальный»). Такая двухуровневость отличает современный миф от архаического мифа и идеологических конструкторов.

Первый уровень, «архаический», содержит устойчивые архетипы, образы, мифологемы, ритуалы, которые вырабатываются преимущественно коллективно. Эта совокупность устойчивых мифологических архетипов, образов, сюжетов имплицитно наличествует на уровне менталитета и составляет фундамент любого мифа.

Второй уровень, «конъюнктурный» («инструментальный»), представляет собой своеобразную «мифологию идей» – результатов рациональной целенаправленной деятельности отдельных мифотворцев, зачастую предстающих в виде идеологов. На этом уровне осуществляются теоретическая обработка фундаментальных мифологических архетипов и их преобразование в четко сформулированные идеи, концепты и программы. При этом базовые мифологические архетипы интерпретируются в соответствии с интересами, целями и задачами так называемых мифотворцев, в роли которых выступают преимущественно элиты.

Например, миф о свершениях героя основывается на исходной мифологеме героя, безусловно, относящейся к «архаическому» уровню мифа, как и

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 17-33-01056 а2 «Мифы о прошлом в современной медиа-среде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования».

сопутствующие этому истории о рождении героя, его борьбе с врагами, преодолении героем испытаний. Но в соответствии с интересами мифотворцев свершения героя могут приобретать конкретные формы, вписываясь в современный контекст (борьба героя с коррупцией; герой, осуществляющий модернизацию социальной сферы и т.п.), причем в качестве фигуры героя могут выступать политические лидеры, руководители органов исполнительной власти и т.д. (даже не обязательно использовать само слово «герой»: адресат мифа и сам наделит актора героическими архетипическими чертами). Мифотворец / представитель элиты использует в данном случае миф в качестве инструмента для достижения своих целей (отсюда – другое название второго уровня мифа: «инструментальный»). В результате происходит определенное надстраивание «инструментального» уровня над архетипическими сюжетами, традициями.

Выделение «конъюнктурного» уровня является ключевым для определения сущности современного социального мифа. Одной из особенностей «конъюнктурного» уровня социального мифа является то, что на данном уровне выражаются в первую очередь интересы отдельных социальных групп, которые следует назвать элитами, политическим классом, мифотворцами. По большому счету, мы здесь можем вести речь об идеологии, воплощенной в конкретных социальных мифах современности. Это обстоятельство, в свою очередь, не может не привести к необходимости рассуждений о значении политического поля для функционирования современных мифов. На наш взгляд, политическая сфера общественной жизни дает шанс более ярко и полно увидеть практические проявления социального мифа (так, некоторые авторы (например, С.В. Рязанова [1]) рассматривают политический миф как кульминацию социальной мифологии).

Не случайно представители основных существующих в настоящее время направлений исследований мифов современности не остались в стороне от изучения проявлений мифов в политической сфере. Так, в поле зрения представителей психоаналитической школы, ориентированной на поиск мифологических компонентов в том числе и в современном обществе, не раз оказывались проблемы политического преломления мифа. Стоит вспомнить заметку Дж. Кэмпбелла «Мифологии войны и мира» [2. С. 163–190] или фрагмент работы М. Элиаде «Аспекты мифа» [3. С. 171–173], в котором автор упоминает и высказывает свои соображения, например, о расистском мифе об арийцах и об использовании К. Марксом мифа о герое. Однако особенно «преуспели» в апеллировании к политике исследователи, работающие с рационализированной социальной мифологией (например, Р. Барт [4], П.С. Гуревич [5]).

Кроме того, существует целый ряд как зарубежных, так и отечественных политологов, по-разному относящихся к собственно политическому мифу (К. Боттичи, К. Флад, К.Ф. Завершинский, О.Ю. Малинова, Г.И. Мусихин, Н.И. Шестов, Н.Г. Щербинина и др.). Так, отдельный интерес представляет предложенное Н.Г. Щербининой [6] понятие героического политического мифа, выработанное в конструктивистской парадигме.

Мы понимаем политический миф прежде всего как разновидность социального мифа. В политическом мифе также просматривается характерная для современного мифа двухуровневость: с одной стороны, разделяемые веками

коллективные представления, с другой стороны, составляющие, коррелятивные текущей политической конъюнктуры.

Наличие двух вышеуказанных уровней характерно для любого современного мифа, в том числе и для политического. Сочетание «архаического» и «конъюнктурного» («инструментального») уровней делает миф уникальным феноменом; отличает его, с одной стороны, от древнего, или классического, мифа и, с другой стороны, от идеологических построений. Политический миф демонстрирует нам все специфические особенности проявления «конъюнктурного» («инструментального») уровня мифа в наиболее яркой манере. Во многом это объясняется тем, что политическая сфера общественной жизни дает шанс увидеть всю гамму практических проявлений мифа, определить место мифа в изменчивой политической конъюнктуре и роль мифа как инструмента в политической борьбе.

Здесь мы соглашаемся со сложившимся в настоящее время мнением о природе политического мифа, отмеченным К.Ф. Завершинским: «При всей вариативности современных политологических трактовок природы политического мифотворчества в них продолжает доминировать установка на понимание политического мифа как некоего комплекса коллективных представлений (архетипов, стереотипов, ментальностей и т.п.), пришедших к нам из прошлого и влияющих на настоящее» [7. С. 18]. Специфика же политического мифа, на наш взгляд, состоит в том, что он, располагаясь преимущественно на «конъюнктурном» уровне, всегда стремится продемонстрировать свои «архаические» корни (и как тут не вспомнить слова Р. Барта о стремлении современного мифа выдать искусственное за природное). Функционирование политических мифов несет для общества известную опасность. Так, уже в середине XX в. Э. Кассирер справедливо замечал, что «...миф перестал быть свободной и спонтанной игрой воображения, его хорошо отрегулировали, приспособили для политических нужд и использовали с весьма конкретными политическими целями» [8. С. 14]. Мы исходим из того, что политический миф, являясь неотъемлемой составляющей социального мифа, отчетливо и в более практическом плане демонстрирует имманентно присущую современному социальному мифу конструктивно-деструктивную роль.

Подробное исследование основных вопросов, связанных с пониманием современного политического мифа, было предпринято О.Ю. Малиновой. В результате автор дает свое определение политического мифа и, что особенно важно в контексте названия нашей статьи, использует термин «нарратив»: «Политический миф – это убеждение / нарратив, который разделяется социальной группой, воспринимается ею как констатация „естественного порядка вещей“» [9. С. 13].

Для того чтобы политические мифы легче достигли своей цели (а цель во многом определяется интересами мифотворцев), важно, так сказать, наполнить мифы конкретными фактами, событиями, действиями, наполнить их повседневными вещами, в конечном счете наполнить миф нарративами. Перефразируя высказывание К. Боттичи «...до какой степени возможно написание истории без нарратива» [10. Р. 205], мы можем сказать: до какой степени возможно создание политического мифа без нарратива. Нарратив, на наш взгляд, занимает важнейшее место в политическом мифотворчестве. Так, относящаяся к «архаическому» уровню современного мифа мифологема героя,

одна из самых востребованных в современной политической практике, демонстрирует свою наибольшую эффективность, фактически будучи встроенной в нарратив. Да и в рождении самого современного мифа нарратив играет ключевую роль. По большому счету, с нарратива можно вести отсчет так называемым стадиям мифологизации: нарратив – панегирический нарратив – мифологический сюжет (с присутствием множества мифологем) – оформленный «работающий» миф, устойчиво удерживающийся в сознании. Более того, в одной из основных работ, посвященных рассмотрению и анализу мифов современности, – «Мифологиях» Р. Барта [4] – постоянно подчеркивается, что нарративная форма мифа в настоящее время является почти всеохватывающей.

Нарративное измерение мифа имеет немаловажное значение и в случае, когда мы пытаемся ответить на вопрос о масштабе влияния политического мифа на социум. Ответ на этот вопрос кроется, по нашему мнению, в плоскости коммеморативных практик: насколько полно политическим классом «ангажируются» распространенные в народе практики памяти о прошлом в качестве средства для достижения конкретных политических целей. Так, здесь осуществляются попытки специального выделения нарративов коллективной памяти: «волшебная сказка, героический миф, миф самопожертвования» [11. С. 9]. Заметим, что фигура героя и здесь занимает важное место.

Другое дело, что сам масштаб влияния политических мифов на коммеморативные практики зависит от целого ряда факторов: от типа политического мифа (исторический, религиозный и т.д.); от конкретной формы политического мифа (прежде всего, от задействованных в нем архетипических сюжетов); от субъекта, транслирующего миф: мифотворец, зная завершение, развязку сюжета, заложенного в мифологическом повествовании, может специально подгонять ход развития событий к требуемому формату; от средств (даже от технических средств), задействованных в трансляции политического мифа (здесь особенно интересны трансформации механизма функционирования политического мифа, способов политической коммуникации, обусловленные развитием медиасреды).

Решающее же влияние на масштаб воздействия политического мифа на социум оказывают, на наш взгляд, контекст и уровни наррации. Контекст напрямую связан со степенью мифологизированности социума на конкретном этапе развития. Так, В.Н. Сыров отмечал в этой связи следующее обстоятельство: «...для функционирования и господства мифосознания нет надобности в наличии или создании целостных развернутых повествований. Достаточно отдельных знаков в виде слов или высказываний из кинофильмов, рекламных посланий, звуков музыки, частей одежды, жестов, действий и т.д.» [12. С. 257]. Добавим, что контекстуальный фактор выходит на первый план в переходные исторические периоды. Например, в 1990-е гг. значительная часть российского общества довольно быстро и легко стала разделять и жить новыми «демократическими» мифами – мифами о том, что все решит рынок, мифами о приватизации, мифами об угрозе коммунизма [13].

Фактор же уровней наррации требует более пристального внимания и разъяснения. Говоря об уровнях наррации, мы исходим прежде всего из рассмотрения Г.Л. Тульчинским наррации как системы, реализующейся на трех уровнях:

«1. Демонстрация, череда событий, персонажей, документов, артефактов, формирующая фактологическую базу.

2. Агрегация этих фактов в хронологические и каузальные связи, образующие основу сюжетики.

3. Толкование этого целого, рефлексия над ним, выявляющая направленность процесса развития к финалу как „точке сборки“ нарратива, раскрывающей смысл, а иногда и замысел происходившего» [14. С. 69].

Выделенные уровни наррации во многом коррелятивны выделяемой нами внутренней двухуровневости современного мифа. При этом если «фактологическая база» и в какой-то мере «сюжет» располагаются преимущественно на «архаическом» уровне современного мифа, то «точка сборки» – это «конъюнктурный» («инструментальный») уровень, отражающий интересы мифотворцев. Важно, чтобы все уровни наррации и мифа оказались полностью реализованными и успешно транслируемыми аудитории, так как, например, «незаконченность сюжета» «...разрушает негласно заявленный миф» [15. С. 38].

Но самое главное, что в процессе разворачивания системы наррации могут случаться конфликты между «архаическим» и «конъюнктурным» уровнями современного мифа, легко превращающиеся в конфликты ценностей и идентичностей. Происходят такого рода конфликты в результате нестыковок «...между обеспеченным традиционным мифическим содержанием сознанием и современной, непрерывно меняющейся, склонной к дивергенции мифологией...» [14. С. 80]. По-другому говоря, разжиганию вышеуказанного внутреннего конфликта современного политического мифа способствует отсутствие органичного сочетания, с одной стороны, элементов «архаического» уровня мифа, связанных с традиционными мифологемами и классическими фабулами, и, с другой стороны, элементов «конъюнктурного» уровня, наполненных идеями и смыслами мифотворцев, пытающихся не выпасть из изменчивой политической конъюнктуры, актуальной повестки дня.

Зачастую имеет место отрыв «конъюнктурного» («инструментального») уровня от архаики. Это выражается прежде всего в том, что в погоне за сиюминутной выгодой и в стремлении обеспечить реализацию интересов так называемых мифотворцев (в роли которых выступают преимущественно элиты) нарушаются механизмы трансляции и не выполняются важнейшие для обеспечения действенности мифа (мифологического сюжета, смыслового фрейма наррации) этапы его реализации. Так, К. Воглер, основываясь на идеях Д. Кэмпбелла, изложенных в его знаменитой работе «Тысячеликий герой» [16], выделил стадии путешествия героя («1. Обыденный мир; 2. Зов к странствиям; 3. Отвержение зова; 4. Встреча с наставником; 5. Преодоление первого порога; 6. Испытания, союзники, враги; 7. Приближение к сокрытой пещере; 8. Главное испытание; 9. Награда (обретение меча); 10. Обратный путь; 11. Возрождение; 12. Возвращение с эликсиром» [17. С. 47–48]), повествование о которых образует эффективно работающий нарратив, раскрывающий смысл мифа о свершениях героя. Эти стадии, зарекомендовавшие себя на «архаическом» уровне мифа, могли бы эффективно работать и в современной политической плоскости, однако в реальной политической практике такое соответствие практически не встречается в силу целого комплекса причин (посто-

янно меняющаяся политическая конфигурация, к которой нужно подстраиваться, фактически как нарушая последовательность стадий, так и искажая смыслы действий; столкновение различных интересов – экономических, финансовых). Кроме того, мифологический сюжет может просто оказаться не в полной мере реализованным: «Невнятное же завершение истории... разрушает героический миф...» [15. С. 39].

Если «архаический» уровень мифа отсылает к устойчивым образам, то «конъюнктурный» («инструментальный») уровень слишком изменчив и далеко не всегда способен в точности соответствовать базовым архетипическим стандартам. Все это позволяет говорить о том, что в современном мифе заложен внутренний конфликт между «архаическим» и «конъюнктурным» («инструментальным») уровнями, в наиболее явной форме проявляющийся в политическом мифе. В настоящее время в политическом поле наряду с мифом о свершениях героя вышеупомянутую внутреннюю конфликтность можно обнаружить и в этиологических мифах.

Для того чтобы политический миф обрел внутреннее единство и смог претендовать на участие в процессе обеспечения политической стабильности (т.е. того, что необходимо находящемуся у власти политическому классу), важным представляется нейтрализация конфликта между уровнями мифа. Не последнюю роль в достижении такой внутренней органики политического мифа играет изящный нарратив, сюжетная линия которого как бы объединяет в себе архаику и современность, индивидуальное и коллективное, уникальное и общее.

Рассматривая миф о свершениях героя и этиологический миф в качестве смысловых фреймов наррации, следует отметить ряд важных обстоятельств, позволяющих понять, как нарратив преодолевает конфликт между уровнями мифа.

Так, история развития арийского и хазарского мифов в России, серьезно проработанная и подробно изученная В.А. Шнирельманом [18–20], демонстрирует нам, как нарратив, содержащийся в этиологических мифах (арийском и хазарском), способен сглаживать противоречия и конфликты между «архаическим» и «конъюнктурным» («инструментальным») уровнями мифа.

Нарративная форма придает политическому мифу неповторимую событийную уникальность, содержащуюся в каждом сюжете. Более того, будучи облачен в нарративную форму, политический миф более органично воспринимается массовой аудиторией. Рассматривая политическое пространство, можно обнаружить как минимум две причины такой успешной адаптации политического мифа к жизненному миру обывателя. Во-первых, нарративное измерение мифа способно сделать политический миф ближе и понятнее человеку в силу наличия «повествовательных фрагментов», актуализирующих личный опыт реципиента, в то время как политика в целом может продолжать оставаться областью, «трансцендирующей за рамки нашего опыта повседневной жизни» [21. С. 501]. Например, обращение к некогда величественному Хазарскому каганату в художественно-нарративной форме делает сюжетную линию хазарского мифа понятной и близкой широким слоям населения, позволяет легче использовать данный миф в политической борьбе.

Во-вторых, нарративы – как входящие в мифологический сюжет, так и сами по себе – играют ключевую роль в символической презентации, в формировании чувства принадлежности к определенной общности, действуя, таким образом, как идентификационные интеграторы. Например, арийский миф использовался политической элитой для легитимации автохтонности нации, выступая как дополнительный фактор при предъявлении претензий на определенные территории.

Следует заметить, сам по себе нарратив выступает лишь в качестве инструмента в руках политических мифотворцев. Ключевое значение имеет модальность нарратива, т.е. то, в какой степени он усиливает или же ослабляет тот или иной миф. Иначе говоря, нужная или правильно выбранная модальность нарратива позволяет политическому мифу легче достигать своих целей (а целей у политического мифа может быть много: это и укрепление власти, и формирование идентичности, и трансляция ценностей и т.п.).

И здесь в качестве средства преодоления конфликта между уровнями мифа нарратив выполняет примерно ту же функцию, что и классический миф у К. Леви-Стросса: «...миф обычно оперирует противопоставлениями и стремится к их постепенному снятию – медиации» [22. С. 235]. Но меняются инструменты и противоположности, между которыми осуществляется медиация. Теперь место классического мифа в роли медиатора занимает включенная в сюжет, в канву риторическая фигура нарратива. В результате мы встречаем слова «общественная организация» вместо слова «партия», «патриотизм» вместо, например, «либерализм» или «социализм». Такой подменой обеспечивается близость к корням, близость к «архаическому» уровню. Ведь в первом случае апеллируют ко всему обществу, а не к какой-либо социальной группе, а во втором случае – к отечеству, а не к идеологии.

Но стоит отметить, что вопрос об эвристическом потенциале нарратива, в том числе и о его способности решать конфликт между уровнями современного мифа, выходит за рамки настоящей статьи и, безусловно, заслуживает отдельного детального анализа. Кроме того, потребуется помощь историков, политологов, социологов, социальных психологов, которые займутся выявлением степени влияния конкретного нарратива, входящего в политический миф, на общественное сознание, поведенческие установки, политические процессы.

Сейчас же можно констатировать, что нарративы играют ключевую роль в процессах мифотворчества и мифологизации, выступая в качестве связующего элемента между двумя уровнями современного мифа – «архаическим» и «конъюнктурным» («инструментальным»), и наиболее отчетливо это заметно на примере политических мифов.

Литература

1. Рязанова С.В. Архаические мифологемы в политическом пространстве современности. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2009. 326 с.
2. Кэмпбелл Дж. Мифы, в которых нам жить. Киев : София ; Москва : Гелиос, 2002. 256 с.
3. Элиаде М. Аспекты мифа. М. : Академический проект, 2000. 222 с.
4. Барт Р. Мифологии. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 320 с.
5. Гуревич П.С. Социальная мифология (критика буржуазной идеологии и ревизионизма). М. : Мысль, 1983. 175 с.

6. Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М. : РОССПЭН, 2011. 287 с.
7. Завершинский К.Ф. Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2015. Вып. 2. С. 16–25.
8. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1994. № 5. С. 12–16.
9. Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика : сб. науч. тр. / ред. О.Ю. Малинова и др. М. : ИНИОН РАН, 2015. Вып. 3: Политические функции мифов. С. 5–24.
10. Bottici C. A Philosophy of Political Myth. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 286 p.
11. Эрлих С.Е. Три нарратива коллективной памяти: волшебная сказка, героический миф, миф самопожертвования // Историческая экспертиза. 2017. № 2. С. 9–16.
12. Сыров В.Н. Массовая культура: мифы и реальность. М. : Водолей, 2010. 328 с.
13. Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. М. : НОРМА, 2002. 656 с.
14. Тульчинский Г.Л. Нарратив в символической политике: уровни и диахрония // Символическая политика : сб. науч. тр. / ред. О.Ю. Малинова и др. М. : ИНИОН РАН, 2016. Вып. 4: Социальное конструирование пространства. С. 65–83.
15. Шолова С.А. От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 262 с.
16. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. Москва : Рефл-бук : АСТ ; Киев : Ваклер, 1997. 384 с.
17. Воглер К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино. М. : Альпина нон-фикшн, 2015. 476 с.
18. Шнирельман В.А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. Москва ; Иерусалим : Мосты культуры, Гешарим, 2012. 312 с.
19. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. М. : Новое литературное обозрение, 2015. Т. 1. 536 с.
20. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. М. : Новое литературное обозрение, 2015. Т. 2. 440 с.
21. Шюц А. Избранное : Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004. 1056 с.
22. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

Andrey G. Ivanov, Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation); Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation).

E-mail: agivanov2@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 49. pp. 69–78.

DOI: 10.17223/1998863X/49/8

THE NARRATIVE DIMENSION OF A POLITICAL MYTH

Keywords: political myth; “archaic” and “conjunctural” (“instrumental”) levels of contemporary myth; narrative; conflict between levels of myth.

The article presents the contemporary social myth as a phenomenon that is realized at two levels – “archaic” and “conjunctural” (“instrumental”). At the “archaic” level, there are stable archetypes, images, mythologems, rituals that are developed mainly collectively, while at the “conjunctural” level, a kind of “mythology of ideas” is found – the results of a rational purposeful activity of individual mythmakers often appearing as ideologies. The political myth, understood as a kind of a social myth, dominates at the “conjunctural” level that expresses the interests of the political class. The specificity of the political myth is that this kind of myth constantly seeks to demonstrate its “archaic” roots while being located mainly at the “conjunctural” level. The danger and ambiguity of the consequences associated with the functioning of the political myth in society are noted; they are explained by the unpredictability of the activities of mythmakers and elites. The most important role in political mythmaking belongs to narratives. The author asks a question about the degree of the political myths’ impact on society, primarily on the commemorative practices, and identifies a number of factors that determine the scale of this impact. Special attention is paid to the levels of narration; they are compared with the

levels of a contemporary myth. The article emphasizes the decisive importance of the fact that all the levels of narration and myth have been completely implemented and successfully broadcast. The author believes that in the development of the system of narration there may occur conflicts between the “archaic” and “conjunctural” (“instrumental”) levels of the contemporary myth. The emergence of this internal conflict of the contemporary political myth is favored by the absence of the following organic combination: on the one hand, the elements of the “archaic” level of the myth, associated with traditional mythologems and classic plots, and, on the other hand, the elements of the “conjunctural” (“instrumental”) level, filled with ideas and meanings of mythmakers who are trying not to fall out of the changing political situation, the current agenda. Narratives can act as a primary means of gaining political myth internal organics. The storyline of the narrative, which is part of the myth, combines the archaic and the modern, the individual and the collective, the unique and the general. As a means of overcoming the conflict between the levels of the myth, narratives perform a function similar to Claude Levi-Strauss’ myth. But now the place of the classical myth in the role of the mediator is taken by a rhetorical narrative figure which is included in the plot, in the outline.

References

1. Ryazanova, S.V. (2009) *Arkhaicheskie mifologemy v politicheskom prostranstve sovremennosti* [Archaic Mythologems in the Political Space of Modernity]. Perm: Perm State University.
2. Campbell, J. (2002) *Mify: v kotorykh nam zhit'* [Myths to Live by]. Translated from English. Kyiv: Sofiya; Moscow: Gelios.
3. Eliade, M. (2000) *Aspekty mifa* [Aspects of Myth]. Translated from French. Moscow: Akademichesky Proekt.
4. Barthes, R. (2004) *Mifologii* [Mythologies]. Translated from French by S. Zenkin. Moscow: Sabashnikov.
5. Gurevich, P.S. (1983) *Sotsial'naya mifologiya (kritika burzhuaiznoy ideologii i revizionizma)* [Social Mythology (Criticism of Bourgeois Ideology and Revisionism)]. Moscow: Mysl'.
6. Scherbinina, N.G. (2011) *Mifo-geroicheskoe konstruirovaniye politicheskoy real'nosti Rossii* [Myth-Geroic Constructing of Russia's Political Reality]. Moscow: ROSSPEN.
7. Zavershinsky, K.F. (2015) Political Myth in the Structure of Modern Symbolic Politics. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik of St. Petersburg University. Series 6. Political Science. International Relations*. 2. pp. 16–25. (In Russian).
8. Cassirer, E. (1994) Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov [Technique of Modern Political Myths]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 5. pp. 12–16.
9. Malinova, O.Yu. (2015) Mif kak kategoriya simvolicheskoy politiki [Myth as a Category of Symbolic Politics]. In: Malinova, O.Yu. (ed.) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politics]. Issue 3. Moscow: INION RAS.
10. Bottici, C. (2007) *A Philosophy of Political Myth*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Ehrlich, S.E. (2017) Three Narratives of the Collective Memory: Fairy Tale, Heroic Myth, Self-Sacrifice Myth. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2. pp. 9–16. (In Russian).
12. Syrov, V.N. (2010) *Massovaya kul'tura: mify i real'nost'* [Mass Culture: Myths and Reality]. Moscow: Vodoley.
13. Osipov, G.V. (2002) *Sotsiologiya i sotsial'noye mifotvorchestvo* [Sociology and Social Mythmaking]. Moscow: NORMA.
14. Tulchinsky, G.L. (2016) Narratsiya v simvolicheskoy politike: urovni i diakhroniya [Narration in Symbolic Politics: Levels and Diachrony]. In: Malinova, O.Yu. (ed.) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politics]. Issue 4. Moscow: INION RAS.
15. Shomova, S.A. (2016) *Ot misterii do strit-art'a. Ocherki ob arhetipah kul'tury v politicheskoy kommunikatsii* [From Mysteries to Street Art: Essays on Cultural Archetypes in Political Communication]. Moscow: HSE.
16. Campbell, J. (1997) *Tysyachelikiy geroy* [The Hero with a Thousand Faces]. Translated from English. Translated from English by A.P. Khomik. Moscow: REFL-book, AST; Kyiv: Vakler.
17. Vogler, C. (2005) *Puteshestvie pisatelya. Mifologicheskie struktury v literature i kino* [The Writer's Journey. Mythic Structure for Writers]. Translated from English by M. Nikolenko. Moscow: Alpina non-fiction.
18. Shnirelman, V.A. (2012) *Hazarский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки* [The Khazar Myth: Ideology of Political Radicalism in Russia and its Origins]. Moscow; Jerusalem: Mosty kultury, Gesharim.

19. Shnirelman, V.A. (2015) *Ariysky mif v sovremennom mire* [The Aryan Myth in the Modern World]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Shnirelman, V.A. (2015) *Ariysky mif v sovremennom mire* [The Aryan Myth in the Modern World]. Vol. 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
21. Schutz, A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works: A World Glowing with Meaning]. Translated from German and English. Moscow: ROSSPEN.
22. Lévi-Strauss, C. (2001) *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Translated from French. Moscow: EKSMO-Press.